

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕКСТОВЫХ ЗОН И ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ В КОНСТРУКЦИЯХ С ПРЯМОЙ РЕЧЬЮ

Тике сүйлөшүү конструкцияларындагы тексттик зоналардын жана тексттик
категорияларынын калыптанышы

The formation of a text zone and text categories in constructions with direct speech

В статье рассматривается формирование текстовой зоны и текстовых категорий в конструкциях с прямой речью, а также роль диалогической и недиалогической прямой речи в реализации таких текстовых категорий, как партитурность, интеграция, делимитация и перцептуальность.

Ключевые слова: текстовая зона; текстовая категория; партитурность; интеграция; делимитация; перцептуальность.

Макалада тике сүйлөшүү конструкцияларындагы тексттик зона жана тексттик категорияларынын калыптанышы, ошондой эле диалогдук жана диалогдук эмес тике сүйлөшүүдө партитурдуулук, интеграция, делимитация жана перцептуалдуулук сыяктуу тексттик категорияларды ишке ашыруудагы ролу каралат.

Негизги сөздөр: тексттик зона; тексттик категория; партитурдуулук; интеграция; делимитация; перцептуалдуулук.

The article considers the formation of a text zone and text categories in constructions with direct speech as well as the role of dialogical and non- dialogical direct speech in the implementation of such textual categories as score, integration, delimitation and perceptuality.

Keywords: text zone; text category; score; integration; delimitation; perceptuality

Функциональное противопоставление недиалогической прямой речи и диалогической прямой речи приводит к неизбежной необходимости обратиться к вопросам текстообразования. Как известно, при рассмотрении синтаксических категорий в тексте возможны самые различные ориентации: 1) собственно грамматическая (с опорой на такую единицу, как сложное синтаксическое целое, завершающую синтаксическую систему языка - Г.А. Золотова, О.И. Москальская, Л.М. Лосева и др.); 2) стилистическая (с учетом рассмотрения функционально-смысловых типов речи: описания, повествования и рассуждения - О.А. Нечаева, Е.Иванчикова и др. или функционально-композиционных разновидностей, связанных с выделением демонстрационного, информационного и сентенционного типов - С.Г.Ильенко, Г.С. Юдина, О.А. Чагина и др.); 3) интердисциплинарная (с различием лингвистики текста и теории текста).

Что касается лингвистики текста, представленной в отечественном языкознании прежде всего работами И.Р.Гальперина, З.Я.Тураевой и их учеников, то одним из ведущих постулатов, в ней провозглашенных, является тезис о наличии в тексте так называемых текстовых категорий, понимаемых как наиболее его существенные при-

знаки, реализуемые как разновидности синтагмо-парадигматических организаций, функциональная сущность которых определяется ролью в создании текста как речемыслительной данности.

Использование результатов, полученных лингвистикой текста (даже при возможности ее критической оценки - Р.А.Будагов, А.Т.Кривоносов), имеет свои несомненные преимущества, предопределяемые ее ориентацией на текст в целом. Это последнее позволяет уточнить и семантико-функциональное основание единства текста, обусловленного наличием у последнего единой авторской концепции (М.Я.Дымарский) [3]. Тезис об «авторской концепции», естественно, соседствует с теорией «образа автора», «точки зрения» (В.В.Виноградов, М.М.Бахтин), однако только соприкасается (не более того!), поскольку сориентирован главным образом на понятийно-содержательную основу произведения.

Понятие «текстовой зоны синтаксической единицы» (в данном случае - конструкции с прямой речью - КПр) органически вытекает из трактовки понятия семантического радиуса действия, предложенного С.Г.Ильенко [4].

Текстовая зона КПр трактуется, вслед за С.Г.Ильенко, как фрагмент текста, в котором КПр реализуется как однозначное единство с

точки зрения содержательной, функционально-концептуальной и стилистической.

Определение текстовой зоны КПП и выделение тех составляющих, которые ее обеспечивают (содержательные, функционально-концептуальные и стилистические факторы), важны не только для более обстоятельной функциональной интерпретации самой КПП, но и для выяснения ее роли в реализации текстовых категорий.

Собранный и проанализированный нами материал позволяет увидеть роль КПП в реализации, прежде всего, таких текстовых категорий, как *партитурность, интеграция, делимитация и перцептуальность*.

Категория партитурности связана с реализацией многоголосья, что заложено в самой структурной природе КПП. Эта функциональная природа КПП делает данную конструкцию по существу собственно партитурной категорией.

Однако есть определенные различия в проявлении партитурности в диалогической прямой речи (ДПР) и недиалогической прямой речи (НПР).

КПП в диалогическом построении, не являясь самостоятельным компонентом, выступает в качестве одного из импульсов развития диалектики конфликта, разыгрывающегося между двумя или несколькими персонажами и способного стать составной частью конфликта или сюжетного движения всего художественного произведения. Показателен в этом отношении эпизод из повести Ю.Олеша «Три Толстяка», в котором повествуется о совещании Государственного совета, обсуждающего вопрос о том, как исправить куклу наследника Тутти:

«-Эту куклу нужно исправить, - сказал государственный канцлер на совещании Государственного совета. - Горе наследника Тутти не имеет границ. Во что бы то ни стало куклу надо исправить».

- Нужно купить другую, - предложили министры.

- Наследник Тутти не хочет другой куклы. Он хочет, чтобы эта кукла воскресла.

- Но кто же может исправить ее?

- Я знаю, - сказал министр народного просвещения.

- Кто?

- Мы забыли, господа, что в городе живет доктор Гаспар Арнери. Этот человек может сделать все. Он исправит куклу наследника Тутти.

Разразился общий восторг: - Bravo! Bravo! И весь Государственный совет, вспомнив о докторе Гаспаре, запел хором:

*Как лететь с Земли до звезд,
Как поймать лису за хвост,
Как из камня сделать пар, -
Знает доктор наш Гаспар».*

Как обнаруживает приведенный эпизод, реализация категории партитурности в ДПР (вплоть до введения песни о докторе Гаспаре, исполняемой хором) проходит одновременно с реализацией другой задачи художественного произведения – осуществления категории конфликта, включающего в себя ряд ключевых сцен, его подготавливающих. Именно такой и является сцена, связанная с появлением приказа доктору Гаспару – починить куклу наследника Тутти.

Односторонний же характер направленности НПР приводит к достаточно частому приобретению ею такого «процессуального» заряда, который оказывается органически связанным с действием персонажей:

« - У меня есть бинокль. Я всегда ношу с собой бинокль с восемью стеклами. Вот он, - сказал доктор и отстегнул ремешок. Бинокль перешел из рук в руки» (Ю.Олеша «Три толстяка»).

Если участие НПР (как и КПП в целом) в реализации категории партитурности является естественным следствием природы конструкции с прямой речью как таковой (ведь сама ее организация «партитурна», благодаря наличию в этой конструкции по крайней мере двух голосов: авторского и персонажного), то реализация категорий интеграции, делимитации и перцептуальности подчинена следствиям этого «двуголосого» существования КПП.

Категория интеграции трактуется нами вслед за И.Р.Гальпериным как объединение всех частей текста в целях достижения его целостности [2, 125]. Последняя может осуществляться как средствами когезии, так и за счет реализации ассоциативных и пресуппозиционных отношений. Сопоставляя интеграцию с когезией, И.Р.Гальперин указывал, что «когезия – категория логического плана, интеграция – скорее психологического...», «когезия линейна, интеграция вертикальна» [2, 125].

Для нашей интерпретации категории интеграции важно и следующее уточнение автора известной книги «Текст как объект лингвистического исследования»: «Применительно к тексту интеграция это, скорее процесс, чем его результат» [2, 124]. Именно это последнее обстоятельство, прежде всего, и дает основание

рассмотреть КПР в аспекте интегрирования. Обособленность же НПР тем более обеспечивает ей быть специфическим средством интеграции, в особенности, если КПР занимает инициальную или (что чаще) финальную позицию во всем произведении, главе, самостоятельном фрагменте.

Так, рассказ А.П.Чехова «Унтер Пришибеев» (начинающийся сценой заседания суда, на котором Пришибеев никак не может понять претензий к нему мирового судьи по поводу «оскорбления словами и действиями» местных жителей, твердо уверовав в кредо «Если я не стану их разгонять да взыскивать, то кто же станет?») завершается весьма выразительной НПР: « - Народ, расходись! Не толпись! По домам!» Это произносит Пришибеев, отсидев месяц в тюрьме по приговору суда, им так и не осознанному.

Обособляясь в композиционно-синтаксическом отношении, данная реплика образно резюмирует концептуально-сюжетную линию рассказа, делая более выразительным авторское заключение:

«Унтер Пришибеев поднимает очки на лоб и с удивлением глядит на мирового, который, очевидно, не на его стороне. Его выпученные глаза блестят, нос становится ярко-красным. Глядит он на мирового, на свидетелей и никак не может понять, отчего это мировой так взволнован и отчего из всех углов камеры слышится то ропот, то сдержанный смех. Непонятен ему и приговор: на месяц под арест!

- За что?! – говорит он, разводя в недоумении руками. – По какому закону?

И для него ясно, что мир изменился и что жить на свете уже никак невозможно. Мрачные, унылые мысли овладевают им. Но, выйдя из камеры и увидев мужиков, которые толпятся и говорят о чем-то, он по привычке, с которой уже совладать не может, вытягивает руки по швам и кричит хриплым, сердитым голосом:

- Народ, расходись! Не толпись! По домам!»

Очевидно, что НПР в данном случае является существенным средством интеграции. Переключаясь с названием рассказа, включающим в себя символическую фамилию главного персонажа, и с другими его репликами, НПР осуществляет ту вертикальную связь, которая характерна для интеграции.

Иначе реализуется интеграционная функция при использовании ДПР.

В этом случае (особенно при весьма расширенных авторских сопровождениях) инте-

грирование происходит главным образом за счет содержания реплик персонажей. Это особенно заметно в изображении конфликтных ситуаций.

Не случайно, что одной из тенденций прозы XX века является отказ от сопровождающих авторских слов. Диалог персонажей предстает как бы в чистом виде:

«Выволочнов пришел просить Николая Николаевича выступить в какой-то школе в пользу политических ссыльных.

- Я уже читал там.

- В пользу политических?

- Да.

- Придется еще раз.

Николай Николаевич поупрямился и согласился» (Б.Пастернак «Доктор Живаго»).

Еще более типичным является диалог, используемый в эпилоге романа «Доктора Живаго», который представлен пятью главами. Первая глава кончается своеобразной преамбулой, вторая начинается диалогом Гордона и Дудорова без уточнения того, кому принадлежит реплика.

«Гордон и Дудоров осторожно, все время глядя под ноги, чтобы не наступить на них, ступали между спящими.

- Говори потише, а то разбудим город и тогда прощай моя стирка.

И они вполголоса продолжали свой ночной разговор. (Конец 1-ой главы)

- Что это за река?

- Не знаю. Не спрашивал. Вероятно, Зуша.

- Не, не Зуша. Какая-то другая.

- Ну, тогда не знаю.

- На Зуше-то ведь это и случилось. С Христиной.

- Да, но в другом месте течения. Где-то ниже. Говорят, церковь ее к лику святых причла». (Начало 2-ой главы).

Таким образом, КПР оказывается весьма заметным средством в реализации категории интеграции, отражая при этом различие в специфике НПР и ДПР.

Диалектическая природа текста предполагает соседство интеграции с противоположным ей началом, а именно – ее соотносительностью с делимитацией. Выдвижение такой текстовой категории, как делимитация, основано на справедливой гипотезе о том, что восприятие целостности немыслимо без восприятия ее по дозам. Средствами дозирования являются, прежде всего, закрепленные практикой некие «технические» приемы, связанные с выделением «частей», «глав» и др. И.Р.Гальперин не совсем правомерно определил их как объемно-

прагматические, противопоставив контекстно-вариативным.

К последним же им отнесены следующие формы речетворческих актов: 1) речь автора: а) повествование, б) описание природы, внешность персонажей, обстановка, ситуация места действия и пр., в) рассуждения автора; 2) чужая речь: а) диалог с включением авторских ремарок, б) цитация, в) несобственно-прямая речь [2, 52].

Представляя данную схему, мы не можем не обратить внимание на введение И. Р. Гальпериным категории чужой речи в круг делимитационных средств и на выделение такой ее разновидности, как «диалог с включением авторских ремарок» [2]. Функциональное рассмотрение КПР дает все основания включить в число делимитационных средств не только ДПР (что сделано И.Р.Гальпериным), но и НПР, которая, по нашим наблюдениям, играет гораздо большую роль в членности текста.

Недиалогическая прямая речь может завершать текстовый фрагмент (чаще всего сложное синтаксическое целое (ССЦ), как бы отделяя его от последующего ССЦ (1), или же проводить демаркационную линию между двумя эпизодами, одновременно и соединяя их в единый предикативно-релятивный блок (2) [1].

«Весной, в праздник – это было Вознесение, – после приема больных, Старцев отправился в город, чтобы развлечься немножко и, кстати, купить себе кое-что. Он шел пешком, не спеша (своих лошадей у него еще не было), и все время напевал:

- Когда еще я не пил слез из чаши бытия...»
(А.П.Чехов «Ионыч»).

Появление данного ССЦ в чеховском рассказе не случайно. Не случайно и завершение его НПР, прибавляющей живую деталь к описанию того легкого, поистине весеннего состояния Старцева, которое и предопределило его чувство влюбленности.

Однако делимитационная функция НПР проявляется не только в оформлении концовки ССЦ, но и в создании пограничной зоны между предикативным и релятивным ССЦ. Ряд исследователей, в том числе Т.М.Баталова [1], справедливо полагает, что ССЦ по их содержательно-композиционной роли в тексте неоднозначны. Это обстоятельство привело к необходимости введения в состав текстовых единиц понятия текстового блока, представленного предикативным (наиболее существенным в содержательно-композиционном отношении) ССЦ и релятивным ССЦ, характеризующимся мень-

шей ролью в создании общей смысловой перспективы текста.

Категория перцептуальности связана с таким типом изложения, при котором изображаемое дается «сквозь призму» восприятия того или иного персонажа. Эта категория соотнесена с категорией модальности текста. Но если характер последней определяется отражением собственно авторского видения, то категория перцептуальности есть отражение видения персонажа. Изображение действительности представлено не непосредственно в качестве своеобразного «слепок жизни», а пропущено через мышление и чувства того или иного лица. Отсюда и появление отражения той релятивности, которая присуща человеческому сознанию, включающему в себя достаточно сложное соотношение знания и незнания фактов и закономерностей окружающего мира.

Существует целый класс морфологических (неопределенные местоимения, сослагательное наклонение и др.) и синтаксических средств (вводные слова, неопределенно-личные предложения, порядок слов, сложноподчиненные условно-ирреальные предложения и др.), передающих релятивный характер человеческого мышления.

Эти средства, используемые в тексте, становятся своеобразными сигналами релятивного сознания, а следовательно, и перцептуального характера его отражения. Это последнее (индивидуализированное – неавторское сознание) выдвигается на первый план, разрешая тем самым автору оставаться как бы за кулисами. Анализ неопределенных местоимений, используемых в прозе А.П.Чехова, который проделала в специальной работе И.Н.Левина [5], продемонстрировал это весьма ярко. Однако ни в работе С.Г.Ильенко, выдвинувшей понятие категории перцептуальности, ни в диссертации И.Н.Левиной среди языковых средств, реализующих категорию перцептуальности, КПР не названа. На это есть причины. КПР и такая ее разновидность, как НПР, не входят в состав языковых средств категории перцептуальности, а выступают в качестве дополнительного условия формирования определенных ее компонентов. Известно, например, что «переброс» лексических и фразеологических элементов из речи персонажа в речь автора способствует созданию такой разновидности чужой речи, как несобственно-прямая речь, которая, в свою очередь, выступает в качестве лингвостилистического средства формирования категории перцептуальности.

« - За бумагам пришел. Приискал ходим, спирту таскаем. ...Через год Ахметка опять приходил в сло- боду «за бумагам», но Василий больше не возвращался» (В.Г.Короленко «Соколинец»).

Таким образом, текстовая реализация КПР оказывается связанной с формированием важнейших текстовых категорий, какими являются, прежде всего, партитурность, интеграция, делимитация и перцептуальность.

Список цитируемых источников

1. Баталова Т.М. Соотношение предикативных и релятивных отрезков текста. Автореф. дисс. канд. фи-лол. наук. М., 1977
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981
3. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.). СПб., 1999
4. Ильенко С.Г. О семантическом радиусе действия предложения в тексте. Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Л., 1981. – С.129-135
5. Левина И.Н. Функционирование неопределенных местоимений в прозе А.П.Чехова. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1988

Рецензенты: *Акбаралиев Дж. А.* - кандидат филологических наук, доцент КНУ им. Ж.Баласагына

Караханиди К. С. – кандидат филологических наук, профессор КГУСТА им. Н. Исанова

Янцен В. К. – кандидат филологических наук, профессор КРСУ им. Б. Ельцина